

Фэн Мин глупо уставился на бывшего императора Силэй и обессиленно спросил:

— Я скоропостижно умер?

— Вздор! — Жун Тянь приглушённо и гневно крикнул, после чего тон его голоса вновь потеплел и, оказавшись в безвыходном положении, молодой мужчина вздохнул: — Не стоит предаваться вздорным мыслям. Ты просто истосковался по мне и несколько дней провёл без сознания, а сейчас очнулся, ничего плохого с тобой не случилось.

Сделав квадратные глаза, юноша недоверчиво посмотрел на Жун Тяня.

— Позволь прикоснуться к тебе, чтобы убедиться. — Вытянув руку, князь погладил лицо Жун Тяня, стараясь изучить каждую его частичку, и спустя долгое время прервал молчание: — Это правда. — Фэн Мин слегка улыбнулся сквозь слёзы, внезапно полностью придя в себя, он поражённо вздрогнул и с испугом спросил: — Ты пробрался во дворец Дунфань? О Небеса, ты с ума сошёл? — И юноша спешно сел в кровати.

Жун Тянь крепко обнял князя, объятия оказались такими сильными, что не позволяли шелохнуться, и ласково погладил лоб и затылок юноши, успокаивающе говоря:

— Не волнуйся, ничего не случится.

Вернувшись в объятия Жун Тяня, Фэн Мин успокоился и приглушённо спросил:

— Дворцовая стража строгая, а людей, что меня охраняют, не менее дюжины, как ты осмелился пробраться сюда? Скорее отпусти меня, в таком месте ты так осмелел, а если кто-то войдёт сюда и увидит тебя, как быть тогда?

Жун Тянь с трудом вновь взглянул на князя и, отказываясь выпускать его из объятий, повернулся, задул пламя свечи, и двое мужчин упали на большую кровать, укрываясь одним большим одеялом.

Бывший император Силэй спросил:

— Лу Дань мучил тебя? Всё-таки позволил тебе так заболеть, я непременно отомщу за это. — Пальцы, словно вьюны [1], проскользнули в короткие штаны Фэн Мина, и, внимательно поблуждав долгое время, мужчина хмуро проговорил: — До безобразия худой, даже кости выступают.

Фэн Мин был потрясён и в то же время разгневан, и, совершенно не препятствуя Жун Тяню «обследовать» своё тело, шёпотом спросил:

— Ты как в такое время смог проскользнуть в императорский дворец? Матушка-императрица намекнула, что у тебя есть план по захвату Дунфань, только она отказалась рассказать мне о нём. В конце концов, что в этом плане такого, о чём мне не позволено знать? Где ты пропадал все эти дни?

Поменяв положение, чтобы ещё удобнее стиснуть в объятиях молодого князя, Жун Тянь уткнулся в волосы любимого и, вдыхая их запах, проговорил:

— Только твоё тело такое ароматное. — И медленно ответил: — Я гнался по следу от границ Юньинь; узнав, что Тун-эр питает дурные намерения насчёт престола Силэй, я специально проиграл в сражении с ним и притворился, что умер и покорно уступил страну.

Князь вскрикнул от ужаса, однако поспешил зажать рот, спустя долгое время вновь шёпотом спросил, задыхаясь от злости:

— Ты с ума сошёл?

Не принимая всерьёз слова любимого феникса, Жун Тянь блёкло ответил:

— Ты пропал без вести, мне нельзя было тратить время, находясь в Силэй, к тому же стоило новости о моей смерти долететь до Дунфань, как Лу Дань отбросил свои опасения и отказался от опрометчивой затеи убить тебя после того, как использовал бы. Таким образом, у меня было достаточно времени, чтобы спасти тебя.

— Я всё же полагаю, что потерять Силэй — обманный манёвр, — Фэн Мин широко раскрыл рот. — Оказывается, такой император, как ты, с лёгкостью и покорностью уступил престол Силэй.

— Лишь временно уступил. — Заметив, что князь хмурится, Жун Тянь мягко поцеловал его межбровье и сказал со смехом: — После сражения я, воспользовавшись тем, что Тун-эр ещё не вернулся в столицу, немедленно поспешил обратно во дворец и тайком забрал матушку-императрицу, к тому же с удовольствием, прихватив факел, устроил пожар во дворце, тем самым подстроив ложную смерть матушки. Потом взял с собой пять тысяч солдат, которые всегда скрываются в тени и готовы пойти на смерть, и без отдыха помчался в Дунфань.

На что Фэн Мин громко вздохнул:

— О Небеса, ты потерял Силэй, к тому же поджёг собственный дворец и, взяв с собой только пять тысяч солдат, вломился в Дунфань. Ты знаешь, сколько сейчас в Пинси войск? Каждый из них одним плевком способен утопить тебя. — Однако на самом деле в своей растерзанной душе князь был растроган, но если бы не он, Жун Тянь никогда бы не оказался связанным по рукам и ногам; пылкие слова застряли в горле, а сам Фэн Мин действительно не знал, что и сказать. Внезапно князь изменился в лице и тихо крикнул: — Осторожно, кто-то идёт!

Две длинные тени тихо выросли перед кроватью и, стоя за занавеской, что висела вокруг постели, прошептали:

— Со всеми дворцовыми людьми справились. Со всеми, без остатка.

— С наблюдателями, что прятались снаружи, также разобрались, в общем итоге семь человек, только неизвестно, где люди Лу Даня, а где — Цзюнь Цина.

Кто бы мог подумать, что это Жун Ху и Ле-эр!

Удивившись и обрадовавшись, князь поднял занавеску и тихо крикнул:

— О Небеса, это и вправду вы.

Ле-эр громко рассмеялся, как раньше:

— Князь Мин, нам наконец-то удалось Вас найти.

Жун Ху радостно рассмеялся, обнажая в темноте белоснежные и ровные зубы.

Князь был взволнован, но, внезапно от одной мысли его сердце неожиданно пропустило удар:

— Вы сказали, что со всеми дворцовыми людьми справились? То есть...

— Мы кое-что сделали с чаем и усыпили служанок, а повседневная охрана, которая не уснула, была заколота моими лучшими людьми, мы никого не потревожили.

— За эти два дня каждый во дворце Дунфань тревожился о себе, охрана ослабила бдительность, иначе так легко взять дворец не удалось бы.

Князь, обеспокоенный за жизнь Суй Инь и ещё нескольких несчастных служанок, услышав ответ Жун Ху, немного успокоился. После чего обернулся к Жун Тяню и спросил:

— Но как нам выйти так, чтобы даже духи не прознали и демоны не почуяли [2]?

Жун Тянь с улыбкой посмотрел на Фэн Мина.

Переглянувшись, Жун Ху и Ле-эр одновременно опустили головы.

В комнате внезапно воцарилась тишина.

Почувствовав нечто странное, князь с изумлением пролепетал:

— Неужели вы, вломившись сюда, перебив всю охрану и наблюдателей, заранее не продумали, как покинуть дворец?

Ле-эр ответил:

— Изначальный план такой: через пять дней пробраться во дворец, тогда вся столица Дунфань полностью погибнет, во дворце уже воцарятся хаос и паника, во время которых спасти князя Мина будет совершенно не сложно. Но внутренняя разведка внезапно донесла новости, сказав, что князь Мин тяжело заболел и находится без сознания...

Жун Ху незаметно ущипнул брата, заставляя его заткнуться, после чего продолжил вместо Ле-эра:

— Дунфаньская стража всегда позволяет свободно войти, но только не выйти, мы хоть зашли сюда, однако вряд ли так просто покинем это место. Позднее завтрашнего рассвета они тотчас же обнаружат произошедшее здесь.

Фэн Мин укоризненно уставился на Жун Тяня.

Но молодой мужчина не спеша проговорил:

— Хоть и рискованно, но, по крайней мере, я разбудил тебя. — Погладив по нежному и гладкому лицу князя, бывший император Силэй с чрезмерной любовью добавил: — Получив новость о твоей болезни и бессознательном состоянии, я тотчас же поклялся, что потерплю семь дней. Если в течение этого времени ты не проснёшься, то я лично поспешу и разбужу тебя, несмотря на гору мечей и море огня [3]. Если считаешь, что я слишком глуп и не достоин царствовать, можешь смело бранить меня.

Руки Фэн Мина сильно задрожали, а сам князь, схватив подол Жун Тяня, спустя долгое время сказал, задыхаясь от слёз:

— Разве ты достоин царствовать: потерял Силэй, сжёг императорский дворец и, кроме того, пробрался во вражеский дворец навстречу своей смерти...

Ле-эр спешно принялся убеждать:

— Князь Мин, не нужно огорчаться. Хоть Силэй временно находится у семьи этого негодяя Тун-эра, однако государь уже давно подготовился к шаткому положению во внутренних делах

государства и тайно спрятал немало приближённых, устроив засаду для неприятеля. Сейчас, кроме генералов, преданных семье Тун, прочие генералы и министры всё так же находятся на стороне государя, только из-за беспомощности они были вынуждены последовать за предателем. Как только наши сидящие в засаде люди тайно расправятся с силой семьи Тун, по возвращении в Силэй государь сразу же отвоюет престол.

Жун Ху, дважды покашляв, проговорил:

— Хватит об этом. Небо скоро рассветёт, прошу государя отдать приказ.

Жун Тянь, до сих пор не выпускающий из объятий сидящего в кровати Фэн Мина, сейчас наконец-то отпустил князя и оживлённо, с улыбкой сказал:

— Кровопролитное сражение — удел доблестного мужа, именно так мы вырвемся отсюда.

Фэн Мин в недоумении посмотрел на Жун Тяня.

Как раз в этот момент взгляд молодого мужчины изменился, а сам Жун Тянь, ласково и двусмысленно улыбнувшись князю, нежно промолвил:

— Позвольте мне собственноручно одеть князя Мина, снаружи холодно, князю Мину нужно быть осторожнее.

Серо-тёмные тучи всё ещё затягивали небо.

В тихом императорском дворце было безлюдно. Трупы — спрятаны в неизвестном укромном месте, а витающий в воздухе запах крови развеялся от порывов холодного ветра.

Десять теней, бесшумно оседлав коней, скрыли лица масками.

Жун Тянь проговорил:

— Ле-эр, иди в мои объятия.

Юноша, запрыгнув к бывшему императору Силэй на лошадь, мило и кротко устроился в его объятиях.

— Вперёд, — понизив тон, приказал Жун Тянь, и несколько всадников спешно тронулись в путь.

Фэн Мин махнул поводьями, но находящийся сбоку Жун Ху остановил его.

— Мы поедem другим путём.

Глядя, как Жун Тянь удаляется от него в совершенно другом направлении, Фэн Мин на миг остолбенел, но потом в ужасе воскликнул:

— Нет! Не выйдет!

Жун Ху приглушённо закричал:

— Это приказ государя, кто посмеет ослушаться? — Не позволяя князю отдалиться, телохранитель резко хлестнул плетью коня Фэн Мина. — За мной!

Как только ему сдавили живот, ретивый конь заржал, давая свободу копытам.

— Нет! Мне нельзя так поступать! — словно сойдя с ума, крикнул Фэн Мин и сразу же поспешил развернуть коня.

Мчащийся сзади Жун Ху, подстёгивая жеребца, нагнал князя и, вытянув руку, безжалостно влепил пощёчину, да так, что у Фэн Мина искры из глаз посыпались.

Лицо Жун Ху было омрачено, а в приглушённом тоне — слышна неопиcуемая строгость:

— Я получил приказ государя, и неважно, каким способом, я всё равно выведу Вас из дворца и не позволю повернуть назад.

Князь, почувствовав оглушающий удар и даже покачнувшись, ничего не сказал, словно разум был отделён от тела, а душа разорвалась в клочья, стоило Жун Тяню вновь неожиданно покинуть его. Вместе с этим в голове снова и снова звучало эхом: «Жун Тянь хочет пожертвовать собой, Жун Тянь хочет пожертвовать собой!»

— Нет... Я не хочу его слушать! — пробормотал Фэн Мин, качая головой.

— Если государь не станет отвлекаться на заботу о князе Мине, то, возможно, ещё будет проблеск надежды. А если князь Мин последует за государем, разве это не отвлечёт Его Величество? — Чёрные как смоль зрачки Жун Ху были расширены, в этот решающий момент телохранитель растерял всю прежнюю осторожность и, выпятив грудь и прибегнув к суровым словам, вмиг стал крайне могущественным, отбивая всё желание противиться ему. — Мы уходим. — И вновь плетью ударил коня по заду.

Снова поднялся сильный ветер.

Крепко ухвативший поводья Фэн Мин заметил, как растущие по обе стороны серебряные от снега деревья стремительно попятились, а сам он невольно стал отдаляться от Жун Тяня.

Императорская стража, неизвестно почему, стала крайне вялой и совершенно не была похожей на прежнюю. Пребывая в полном недоумении, князь, не достигнув и половины ли, внезапно услышал откуда-то позади доносящиеся крики солдат, призывающие к убийству, и понял, что Жун Тянь вместе с войском уже сцепился с дворцовой стражей, от этого душу постепенно охватил холод, и, не удержавшись, князь обернулся.

И увидел, как густой столб чёрного дыма устремился к небесам.

Примечания:

[1] Вьюны (лат. *Misgurnus*) — род пресноводных рыб отряда карпообразных. Обычная длина — 15—18 см, некоторые виды достигают 30 см. Вьюны имеют удлинённое тело, покрытое мелкой, но хорошо заметной чешуей.

[2] Обр. в знач.: совершенно незаметно, в глубочайшей тайне; потихоньку, тайком.

[3] Обр. в знач.: [готовый идти] в огонь и в воду, готов на всё; рисковать жизнью, играть со смертью.

<http://bllate.org/book/13377/1190161>